

Ален Гри
Кофе на нощ

*Зарисовки с
ароматом кофе*

16+

**Ален Гри
Алексей Гуденко
Кофе на ночь**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65259112

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник небольших, но ярких рассказов на самую разную тематику. Светлые страницы с лёгкими строчками пусть волеются в ваши будни, подарят настроение и оставят кофейный привкус.

Содержание

КОФЕ НА НОЧЬ	5
КОФЕ УТРОМ	7
КОФЕ И ОТКРОВЕННОСТЬ	9
КОФЕ И УСПЕШНЫЙ ЧЕЛОВЕК	12
КОФЕ В ХУРГАДЕ	14
КОФЕ В СРЕДУ	17
КОФЕ В ПЯТНИЦУ	20
КОФЕ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ	23
КОФЕ С МАМОЙ	26
КОФЕ И ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ 1	29
КОФЕ И ЭПИДЕМИЯ	32
КОФЕ И ДВОЕ	36
КОФЕ И БЕСЫ	40
КОФЕ И АД	45
КОФЕ И ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ 2	52
КОФЕ И ВОЗМЕЗДИЕ	57
КОФЕ В КАИРЕ	62
КОФЕ И ВЫБОР	68
ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ ВСЕЛЕННЫХ	73

Ален Гри

Кофе на ночь

Один вечер – одна зарисовка.

Возможно, где-то кто-то узнает себя или хорошего знакомого. Светлые страницы с лёгкими строчками пусть вольются в ваши будни, подарят настроение и оставят кофейный привкус.

В сборнике некоторые из рассказов связаны между собой, поэтому читать рекомендуется по порядку.

КОФЕ НА НОЧЬ

Идти спать. Что может быть ужаснее?

Быть может, это ощущение осталось из детства? Когда взрослые гнали в постель, а тебя не покидала мысль о том, что самое интересное только начинается. Именно сейчас, когда ты ушёл в сомнительное удовольствие смотреть незапоминаемые сны, они (взрослые) начнут рассказывать друг другу самые интересные истории, есть самое вкусное и запретное из холодильника и припрятанное в шкафчиках, смотреть увлекательные остросюжетные фильмы... слетают на Луну, будут бегать по двору вприпрыжку, погладят всех беспризорных котов... Да мало ли, что ещё замечательного и выдающегося происходит, пока ты слюнявишь свалявшуюся подушку?

Пока ты спал, Дед Мороз сделал своё подарочное дело, не всегда следуя указаниям в новогоднем письме; пока ты спал, то пропустил сказочную мышь или фею, которая утащила выпавший зуб...

Детство ускакало полевыми тропками.

И вот теперь, когда давно за полночь, я не хочу спать. Как же можно упускать наипрекраснейшее время? Молчит улица. А то, что там изредка отозвались гудки машин или промчавшийся поезд, так это ничего. В этих авто и этом поезде такие же, как ты. Посвящённые. Отчаянные нелюбители

ночью спать.

И нет, это не бессонница. Это непреодолимое желание затянуть момент. Момент молчания телефона и иже с ним гаджетов. Когда никто не смеет тебя побеспокоить из офиса звонком, сообщением или письмом. А если даже кое-кто, скорее всего такой же, как ты кофеголик, вдруг вздумает в это святое время поработать, ты имеешь полное право сообщения не открывать и не смотреть.

Твоя совесть чиста. Никто не тронет. Это твоё время. Время книги, отупляющей компьютерной игрушки, фильма... Время считать сумасшедшие звёзды в голове и потакать их заскокам, например, испечь печеньки или сварить сосиску, или побрить в душевой то, что до этого никогда не брил.

Сон – репетиция смерти. Днём ты владеешь иллюзией контроля за последовательностью событий, но с момента принятия горизонтального положения, тебя укрывает одеяло и запределье. Днём ты командуешь или подчиняешься, суетишься, остро реагируя на чужие мнения. А ночью ты бессилён.

И вот гладит губы нежная пенка капучино, мелкими глотками заходит ночная арабика, чтобы подарить еще пару часов зыбкой бодрости.

КОФЕ УТРОМ

Почему так сладко спится? Несмотря на то, что всё и все против твоего утреннего досыпа. Что ж так не спалось вчера? В полночь... в час... в два...

Прозрачный шифон гардины играет с форточкой. Как легчайшая и тончайшая ткань может так нестерпимо шуршать? И ветра-то снаружи особо нет, но настырная форточка вдыхает и выдыхает гардину, заливая её солнечными зайцами, и хмурит карниз. Бессовестно разросшийся тополь за окнами трещит листвой, как взбесившимися кастаньетами.

А вот и урчащий домашний питомец прискакал грызть твои волосы и дышать в ухо свеживозникшим желанием поесть и поиграть.

За окнами копошение и суета, в которую необходимо окунуться и тебе, чтобы пережить очередной день.

Спасёт только он. Без сахара, конечно. Зачем портить вкус?

Умыться. И не вглядываться, только не вглядываться в зеркало. Бог с ними, лохматыми бровями. Расчесалась и хватит. Джинсы, растянутая футболка с оголённым плечом, кроссовки на босу ногу. И на первый, вниз по лестнице многоэтажки, претендующей на характеристики элитной. Что там, на первом? Кафе. На четыре столика, простенькое, но уже родное.

Кофе и круассан. Идеальное начало идеального утра.

Мест нет, и он присаживается рядом. Что? Не против ли я? Я, конечно, не против. Я очень даже за. Он живёт в этом же доме. Какое совпадение.

Ресницы не накрашены, под футболкой нет пушапа, маникюр приказал долго жить. Но меня это почему-то не волнует.

Рассказываю ему о своём коте. У него тоже кот. Ну надо же! У нас столько общего. Подбросить ли меня сегодня на работу? Почему бы и да. Не погулять ли нам в воскресенье в парке? Естественно, ведь воскресенье и парк созданы друг для друга!

Кофе выпит, и круассан съеден. Он наклоняется и дышит мне в ухо...

...дышит и дышит в ухо... Ненавижу тебя, Барсик! Опять не дал досмотреть...

Вставать, вставать! Не то всюду опоздаю! Оживить себя кофейным кайфом.

КОФЕ И ОТКРОВЕННОСТЬ

Утомительно расхлёбывать последствия откровенных разговоров.

«Правда» и «откровенность». Эти два слова из лексикона взрослого человека незамедлительно убрать! Запретить! Сколько можно внушать в детстве, что нужно говорить правду и только правду?! Такое воспитание порочно и несёт массу проблем в будущем.

Анализируем заезженную «Красную Шапочку». Встречает она в лесу волка, и на его вопрос: «Куда направляешься, Красная Шапочка?» она правдиво отвечает: «Так, мол, и так, иду с пирожками к своей больной бабушке». Незнакомцу раскрыты все карты: и кто такая, и куда идёт, и что несёт, и что бабуля нездорова.

Она, конечно же, за откровенность свою поплатилась. Но тема-то эта в сказке не раскрыта. Вот и думаем мы, маленькие, и мотаем на ус, как надо встречать знакомцев. Сказка ведь хорошо закончилась. А если углубиться во внеклассное чтение для школьников, встретим целый парад иллюстрированных рассказов, где правда победила, где у книжного героя стало всё налаживаться, только когда начал всем во всём признаваться.

Так что ничего нет удивительного в том, что ребёнок, воспитанный классикой жанра, первому же попавшемуся при-

ветливому дяденьке рассказывает, какой у него дома большой телевизор, где папа работает и в каком месте мама себе волосы выщипывает.

Вырастают правдолюбцы смелыми и несчастными. Смотрят правдолюбцы фильмы о честных героях и думают: «Да что ж со мной не так? Я тоже такой-сякой порядочный!» Разоткровенничался с начальником о подработке или курсах повышения квалификации – получи увеличенный рабочий день без обеда и загруженный выходной. Выдал всю правду подчинённым – получи плевки в спину и походы в бар без тебя. Сделал официанту замечание о медленном обслуживании – получи плевков в стакан. Сказал жене, что котлеты недосолены – получи неделю без мяса. Тут уж можно дописывать и дописывать, места не хватит...

Стоят правда, одиночество и глупость тесным треугольничком и сладко обнимаются: не могут они друг без друга. Держатся за руки правда, одиночество и глупость и кружатся, кружатся, создавая такой вихрь, что все от человека отворачиваются и локтями прикрываются.

Да что же это я? Какие пасмурные мысли в понедельник с утра... А всё потому, что кофе ещё не было! Настроение колючее, как у ежа, который мышь не догнал. Дабы спрятать иголки сарказма, начнём неделю с новых открытий!

На моём пути кафе «Версаль». Забегая вперёд, мой совет вам, друзья: никогда не пейте кофе в крошечных кафе с громоздким и зычным названием. Это несоответствие неспро-

ста. Тот, кто обозвал сто квадратов помещения в стиле «самоделкин-лофт» Версале́м, вероятно, не видел оригинал даже на картинках. Белая чашка из фарфора с сероватым оттенком и тонкими стенками должна насторожить. Пузырчатая неуверенная пенка от перегретого молока... Сегодня не мой день.

– Как вам капучино?

А как мне этот капучино? Мне этот капучино так, что здесь я, кафе «Версаль», в первый и в последний раз. Мне этот капучино так, что первый подчинённый, вставший у меня на пути, отхватит едкое словцо. Мне этот капучино так, что никому-никому сегодня в Инстаграме лайк не будет поставлен.

Вот скажу сейчас этому мальцу с кожей кофейного цвета, что капучино его – дрянь дрянная. И что? И ничего. Я точно не начну эту неделю с правды и откровенности.

– Прекрасный кофе, благодарю.

Бежать... Бежать в офис за растворимой болтушкой и порошковыми сливками.

КОФЕ И УСПЕШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сегодня после выставки я раздавал автографы и произносил речь в сверкающем помещении, заставленном круглыми столами, которые замерли в красивом порядке, словно вальсирующие дамы в пышных юбках. Всё пестрело голубым и синим: скатерти, портьеры, бархатная обивка сцены, сооружённой буквально за одну ночь в банкетном зале пятизвёздочного отеля.

Мои пять самых дорогих и удачных полотен были выкуплены ещё до начала экспозиции. Остальные вот-вот разлетятся по миру, торжественно замерев на стенах чьих-то особняков и поместий.

Глаза уже ничего не видят, перегруженные блеском фотовспышек, бриллиантовых серёжек и винировых улыбок. После напряжённого года я заслуженно и сполна насытился чужим восхищением и шампанским. Пора сбежать, на пике очередной хвалебной оды, под шум аплодисментов... Сбежать, пока лёгкое опьянение и утомление не перешло в уныние и скуку.

Подогнали мою машину. Таких в Москве всего две. Дома ждала жена, между прочим, востребованный декоратор и мудрый собеседник, несмотря на блондинистость и длинноногость, уехавшая с выставки пораньше, уложить сынишку и отпустить няню.

Наконец звонил отец. Мне казалось, что его звонка я уже не дождусь. Вяло поздравить с выставкой и объяснить, что сам он приехать не мог, слишком много дел, а я уже большой, должен его понять. Поздравил в своём стиле:

– Слышал, всё прошло хорошо у тебя. Ну-ну.

И всё. А дальше о том, как он был занят. Потом ускоренное скомканное прощание, потому что у него звонил другой телефон, «да и вообще, уже поздно, в другой раз поговорим».

Я делаю себе кофе.

И размышляю о том, что тому, кто «уже большой мальчик», тому, кто состоялся, тому, кто успешен, важнее всего был этот звонок от папы. Хотя бы сейчас. С похвалой. С поддержкой. С радостью. С гордостью за сына. С нескончаемым потоком добрых, ласковых, подбадривающих слов.

На лестнице сонный сынишка с измалёванным и немного мятым листом формата А4.

«Это мне? Почему так поздно не спишь? Ждал меня?»

Ну что же, Вселенная, пора разорвать порочный круг.

«Ты молодец, малыш! Я приколю его на один из своих холстов и использую твою идею для новой работы. Пойдём-ка спать. А завтра я жду новых рисунков. Ты лучше всех. Я горжусь тобой, сын. Я всегда горжусь тобою, сын, и в горе, и в радости.»

А кофе? Кофе остынет, и чашка утром будет вымыта.

КОФЕ В ХУРГАДЕ

С этим городом или курортной деревушкой, как вам больше нравится, у меня сложные отношения. Были пройдены все стадии: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие.

Отрицание. Этого не может быть. Я здесь ненадолго. Может быть год. Работа интересная и погода хорошая. Но я точно не буду здесь жить.

Гнев. Послушайте, местные граждане, как можно швырять мусор, где придётся? Вам самим не противно? Дамы, как можно заматывать волосы косынкой в полосочку, натягивать розовые леггинсы в цветок и сверху бесформенное нечто в крупную клетку, и всё это одновременно? Ходячий инфаркт Славы Зайцева! Люди, выучите правила дорожного движения, не обязательно парковать машину непосредственно у входа в кафе, пару метров можно и прогуляться.

Торг. Ничего, ничего... Ещё годик. И всё. Ну два. Зарплату подняли, в отпуск отправили. Побывать на родных землях, вдохнуть дождевую свежесть, съесть йогурт, подержаться за берёзку, купить оригинальные кроссовки.

Депрессия. Засосала африкано-восточная пучина. В сладких мечтах – шашлычные посиделки с родными и друзьями. Серьёзно, три года без дождя? Нет, здесь никогда не научатся делать настоящий кефир. Товарищи арабы, женщина, надевшая открытое платье, не является доступной. Просто

жарко, и она на отдыхе! Нет, не нужно мыть мою машину у магазина грязной тряпкой! Нет, я не хочу купить пирамидку из алебастра!

Принятие. А впрочем... Миллионы людей мечтают оказаться на моём месте. Здесь всегда тепло, и нет необходимости иметь комплекты одежды и обуви на все сезоны, потому что сезон один – да здравствует футболка! А вот и зимняя клубника, ягода к ягоде, в своей шокирующей дешевизне. И море. Всегда море. То сине-серое, в шапке из ватных облаков, то лазурно-бирюзовое под плоским голубым небом.

Кафе возникают здесь с удивительной мгновенностью. Потому что новоявленные бизнесмены не скованы бюрократической многоступенчатой машиной оформления бумаг. Вот и выскакивают новые кафе, словно сыпь у подростка. В меню кальян, крепкий чёрный чай с мятой и, естественно, дань моде – капучино. Только не спишите, ведь здесь не скованы и международными стандартами.

Слышу, как матёрый местный бариста обучает новенького:

– Молоко должно быть горячим, почти кипятком. Пену не обязательно. Главное, кофе должен быть горячим, гости так любят.

Лучезарно улыбаюсь и прохожу мимо. Надёжнее туда, в брендовое место с профессиональным оборудованием, где всё автоматизировано, а за столиками вальяжничают местные ценители и европейцы, протестировавшие все круги ка-

пучинового ада.

Кофе и круассан. Много ли надо?

КОФЕ В СРЕДУ

Невнятный день среда. И ни туда, и ни сюда. В среду ни у кого нет оправданий недоделать что-то и уйти пораньше.

Силя встала сегодня рано. Силя – это сокращённо от Сильвестрина. Во всём виновата мама, которая назвала дочь во время отсутствия папы и душевного равновесия, в честь любимого мужественного импортного красавчика Сильвестра Сталлоне.

Незнакомым людям, с которыми не предвиделось дальнейших встреч и тесного общения, Силя представлялась Светой, во избежание вопросов, взглядов и объяснений.

Так вот, этим посредственно-средним утром Силя проснулась ни свет ни заря. Решающий день. Её проект либо примут, либо нет. Перепроверила ещё раз внушительные листы А3 и А2 форматов, чертежи на планшете, ноутбук, папки на рабочем столе.

Есть от нервного перевозбуждения не хотелось, но Силя знала, что сдавать проект на пустой желудок нельзя. Овсянка с ягодами и чай. Кофе нельзя. И так вся на взводе. На кухонном столе лежит многостраничный глянец. На обороте обложки гороскоп.

Ага. Так... Луна в Скорпионе... Так-так... Тревожность... Ну-ну... Сложности... Не начинать важные дела... Ну вот ещё... Марс в Десятом Доме... Ага... Фу. Всё. Вот

зачем она это прочла?

В форточку влетел воробей. Он сел на створку, вцепившись в неё своими лапками-проволочками, и дёргано разглядывал Силю то правым, то левым глазом.

Силя попыталась его прогнать и помахала журналом. Воробей сорвался, покружил и вернулся на прежнее место. Силя положила журнал на подоконник и решила приманить птицу крошками. Пока она добывала крохи, воробушек поднапрягся, обгадил журнал и улетел.

Восемь тридцать утра, а она уже ожидает приёма под кабинетом, со всем своим электронным добром, уверенностью и тубусом. Румяная, с огнём в глазах.

Летающее здание. Прозрачные стены, широкие винтовые лестницы будто висят в воздухе, беззвучные дизайнерские фонтаны, утекающие снизу вверх. Во всей этой невесомости и минимализме – коричнево-каштановый кожаный диван, фигурный сруб сосны под журнальный столик и островок изумрудно-зелёного ковролина вдруг дают ощущение уюта, заземлённости и покоя. Силя погладила диван и выдохнула, удобно уместив спину.

Через два с половиной часа она вошла в бушующую улицу хрипя, обессиленная, но счастливая. Принято!

Дома Силя засыпала чайную ложку кофе с горочкой в турку, залила горячей водой и поставила на горелку. Голубится газовое пламя, шипит медная узорчатая турка, собирая кверху пенку с предупреждением не отходить ни на минуту.

Закипел. Отставила. Еще разок дала пене подняться.

Аккуратно вылила кофе в чашечку. Ну а дальше её личное извращение, просьба не повторять. Ложечка амаретто. И чайная ложка сгущёнки вприкуску. Прощай, среда.

Луна, может, и в Скорпионе... А воробей в форточке.

КОФЕ В ПЯТНИЦУ

Таксист бесил как мог. Бесил больше, чем городские пробки. Под зеркалом заднего вида болтался ароматизатор, испаряющий искусственную розу. Согласно запаху, роза в воображении рисовалась подгнившая, подвявшая и под розовый куст явно ходили коты.

Водитель активно потел, правой рукой дёргал коробку передач и тыкал пальцами в закреплённый планшет, сильно отвлекаясь от дороги.левой рукой он периодически набирал сообщения на смартфоне или ворчал в него неразборчивые голосовые. Потом долго пытался закурить, закурил, тут же выбросил сигарету, открыл все окна, выпуская табачный дым и впуская в салон и моё лицо выхлопные газы и шум дороги. По радио закончилась песня с тюремной тематикой, и пошла громкая стихотворная реклама, высверливающая сознание.

Зачем я взял такси? Я никуда не опаздывал. Я ехал в клуб, где меня никто не ждал, трезвый, без настроения, для пикапа одет безнадёжно. Уже два месяца я был свободен, и никто не таскал мои футболки по утрам, поджаривая яичницу. Вот тебе и пятница. Вечер, который обязан быть лучшим на неделе, на глазах превращался в дремучесть, и я понимал, что кислотный клуб ситуацию вряд ли спасёт.

На очередном светофоре таксист вдруг повернулся ко мне

и весь сияющий, как ребёнок, которому подарили котёнка, с уплывающей в уши улыбкой заявил:

– У меня сейчас двойня родилась! Представляете? Пять лет не получалось... И вот...

Я опешил. Мне-то что? А впрочем...

– Почему же ты не с женой? – наверное, я предположил, что поддержать беседу будет вежливо.

Загорелся зелёный, машина тронулась, и он, радостно расправляя плечи, уверил:

– Вот тебя отвезу, и сразу к ним, – он выключил радио, – так не люблю эту волну! И, знаешь, я курить бросил, а тут, куда деть себя?..

Я смотрел сзади на его взъерошенный затылок и выпирающую счастливую правую щеку.

– А можно я угощу тебя кофе и поеду с тобой? – я замер, понимая, что просьба сия выглядит, по меньшей мере, странно. Я даже сам толком не понял, зачем предложил.

– Давай! – он обернулся всё с тем же безбрежным умилением на лице. Пожалуй, он готов был дружить сегодня с любым и доверять всему миру.

Мы остановились. В кафе я сделал заказ на вынос, но то ли я не так сказал, то ли они напутали, и бумажных стаканов нам вынесли три, а не два. Я рассчитался.

– Ух ты. Спасибо! – мы поехали дальше. – Ты, как знал... Три взял. Меня там у роддома её младшая сестра ждёт, от кофе сейчас точно не откажется. Она у нас красивая, жаль

затворница, вся в соревнованиях. Плавает...

Я посмотрел на лишний молочно-белый стаканчик с карамельным орнаментом и стильной чёрной крышечкой. Настроение незнакомого водителя с нотами радости, предвкушением чего-то замечательного передалось и мне.

Ведь вечер пятницы обязан быть лучшим на неделе.

КОФЕ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

Иван Матвеевич двадцать лет преподавал историю и к предмету относился весьма трепетно.

Аудиторию университетскую он любил не всю, студентам симпатизировал избирательно.

На третьем ряду группы Б первого потока сидели его два нелюбимых студента: Катя Звонарёва и Сергей Налбат. Катин звонкий маникюр видно было даже у доски, белокурые волосы всегда распущены, почти каждый день новый наряд.

«Сразу видно, девочка избалованная, хоть и притворяется, что слушает», – думал Иван Матвеевич.

Налбата преподаватель невзлюбил за практически несменный малиновый пиджак и прямой немигающий взгляд чёрных пронзительных глаз.

«Как высокомерно пялится! А пиджак?! Это что ещё за девяностые? Тоже мне, новый русский.»

И Катя, и Сергей на вопросы, если он их задавал, часто отвечали внятно, тем самым раздражая историка: Иван Матвеевич подозревал подсказки или случайность.

«На экзамене на вас посмотрю, больше тройки не поставлю, а то и на пересдачу отправлю, чтоб жизнь малиной не казалась, – думал он, – дети-мажоры, пороху не нюхали».

– Иван Матвеевич, – бойкая болтливая Карина из секретариата приглашала на кофе.

– Мне чайку бы, Кариночка.

– Чая нет. Зато есть кофе, заварной! Не какая-то бурда.

Он согласился. Кофе и впрямь был неплох. Иван Матвеевич пил по-сельски с сахаром и молоком.

– А что, Кариночка, как вам работается? Не опостылило каждый день общаться с этими надменными баловнями судьбы на папиных транспортных средствах?

– Ну почему же, нормальных тоже хватает...

– Звонарёву знаете? У меня в группе Б? Такая вся из себя принцесса. Дочь того самого, из нашего Белого Дома.

– Это которая? Блондиночка? Ой, что вы. Однофамилица просто. Она с бабушкой и дедушкой живёт, одна из лучших учениц, прошла по баллам, поступала сама. Милая девочка. А бабулька ее шьёт великолепно, в Московском доме мод ещё при Советах работала, одевает ее, как куколку.

Иван Матвеевич сделал глоточек, ощущая, что переборщил с сахаром.

– Да? А этот, дружок её, Налбат... Малиновое чудо. Как со своим пиджаком красные мокасины не приобрёл, с них станется, с этих «понаехавших».

– Серёжа да, иногородний, из какого-то поселочного городка. У него только мать, но тянет его, как может, даже квартиру ему сняла, чтоб он в общежитии не жил, учился, не отвлекался. Хороший парень... А пиджак у него, скорее всего, в гардеробе один.

Иван Матвеевич поднимался по лестнице, сердце колоти-

лось.

«Прекращать надо это сахарное злоупотребление в моём то возрасте, – думал он, держась за грудь, – и когда я успел стать таким... вредным... нетерпимым к молодёжи, что ли?

Поработал, пора и честь знать. Дача, собачки в будках, кабачки на грядках... Пока ещё добрый, активный... Буду звать к себе бывших студентов с удовольствием и угощать их кофе».

КОФЕ С МАМОЙ

Костик заметил одну нехорошую закономерность.

Стоило ему чем-то прилюдно похвалиться, тут же с предметом хвастовства происходила пренеприятнейшая оказия.

Порадовался покупке нового смартфона, выложил в сеть – через два дня разбил экран.

В кои-то веки нашёл правильного парикмахера, выложил фото своей идеальной прически – через неделю узнал, что мастер переехал в другой город.

В компании полчаса рассказывал друзьям, что никогда голова после вечеринок и дискотек не болит, что может следующим утром свежим на работу прийти – после очередного праздника неделю расхлебывал последствия алкогольного отравления.

Рисовался перед знакомыми, что его девушка даже не заикается о замужестве – на следующий день Костина подруга оставила у него в квартире свои ваннны принадлежности и весь вечер намекала, как давно они вместе, листая в интернете свадебные платья.

Словно какой-то злорадный невидимый гоблин слышал все его беседы и нарочно портил ему жизнь, по непонятным гоблинским причинам.

Вот и сегодня Костя выложил в сеть фото: ноги на столе, в руке бокал пенного пива. Подпись: улепётываю за город на

законные выходные. Через час позвонил начальник: в серверной большая проблема, нерешаемая удалённо, а бухгалтерию вообще «хакнули».

Прежде, чем ринуться на работу, Костик понуро брёл к маме: занести лекарства и продукты.

Маму он сердечно любил и очень уважал, но заходил нечасто. Опять накормит борщом со сметаной, духовыми пирожками, так что прости прощай программа здорового питания, плюс хлеб с чесноком, а ему как раз в офис к людям ехать. И потом слушать и слушать ему, тридцатилетнему лбу, со знакомой интонацией: «а ты поговори с начальником», «не ложись так поздно», «жениться давно пора», «совсем ничего не ешь», «не дружи с Денисом, он травку курит» ...

Мама открыла дверь, странно улыбаясь, и предложила кофе.

– Мне сегодня посылка пришла. Знаешь откуда? Из Кении! Одноклассник бывший, занесла его работа в Африку. Между прочим, разведён. Ну, там мелочи всякие прислал и кофе в зёрнах. Настоящая арабика, чуть ли ни прямым с плантации, великолепная обжарка, с привкусом какао, «Лаватца» и в подметки не годится!

Костя приподнял брови.

– А ты думал, я у тебя глухомань? Не разбираюсь? – она шумно перемолола зерна, и Костик задышал обворожительной шоколадной горечью, рисуя в голове темнокожих женщин с плавными бедрами. – Ты думал, что я неостребован-

ная старая вешалка?

Костик так не думал. И зачем-то пожаловался:

– Мам, как скажу кому, что что-то хорошо, так сразу становится плохо...

Она внимательно следила за кофе, чтобы не залить конфорку.

– Зачем всем сказал? Зачем всем продемонстрировал? Ты взял свою радость, свою чуткую чудесную эмоцию, оформил её в рамки, заключил безбрежное в фотокарточку или фразу и выставил напоказ. И кому? Вряд ли в твоём окружении кто-то любит тебя также искренне, как я... Разве что... среди них есть твоя будущая жена! – и мама игриво закатила глаза.

А Косте захотелось борща и хлеба с чесноком.

– Ты сегодня не готовила?

– Нет, – она взмахнула рукавами шелкового халата, как тропическая бабочка. – Сегодня кофе. Только кофе.

КОФЕ И ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ 1

Лори и Дрыщ никогда не были друзьями, поэтому отношения между ними сложились искренние и прочные.

Встретили они друг друга в глубоком влажном овраге, заросшем колючками и заваленном стволами от не выживших после бурелома деревьев. Оба были изранены после очередного побоища с хищниками, которых на Апике было немерено. У Лори сильно пострадало лицо, и теперь он не мог сфокусироваться и видел свой мир мутно, словно в глаза непрерывно лил дождь.

Дрыщ был раза в два с половиной меньше Лори. Дрыщу искалечили левую нижнюю конечность, кость была раздроблена, и на ней безнадежно болтались ошмётки отмирающей плоти. Он скулил от боли и, естественно, был обречён, не в состоянии убежать.

Лори обладал обостренным обонянием и слухом, звуки, которые рядом издавал Дрыщ, действовали ему на нервы, поэтому Лори сделал себе доброе дело: перекусил Дрыщу кость и обработал слюной рану, потом наложил повязку из кожаного пояса.

Когда неподалёку послышался угрожающий шорох, они как-то интуитивно и не стовариваясь объединились. Дрыщ

взобрался на спину Лори, ухватившись руками за его широкие плечи, очень подробно и четко комментировал всё происходящее вокруг.

Вместе они дали отпор зверине, Дрыщ активно помогал отбиваться здоровой правой ногой. Дрыщ питался зеленью, Лори ел мясо. Дрыщ спал мало и ночью, Лори дремал днём и бодрствовал с наступлением темноты.

Однажды у сумеречного костра, когда заманчивые россыпи звёзд на небе располагали к сантиментам, Дрыщ поведал, почему за ним охотятся.

– Я нашёл на Апике место, провал в куда-то... – сказал Дрыщ, – там всё другое. Жители похожи на нас, только выше нас и толще нас. И кожа у них не синяя, а коричневая. Планета Земля, материковая местность Кения. Живут не по одиночке, а большими, очень большими стаями и не кочуют. Оттуда я добыл вот это, – Дрыщ продемонстрировал содержимое мешочка: маленькие продолговатые коричневые зёрна с трещинкой посередине и сильным запахом.

Лори узнал этот запах. Редчайший на Апике наркотик. Одно зерно усиливало способности строителя или выносливость хищника в десятки раз ровно на один лунный оборот.

– Если добраться до Центра, можно продать это строителям. Десять таких мешочков, и у нас будет своя крепость с видом на залив и безбедное существование.

Они лежали ничком на каменистой поверхности, Дрыщ, наблюдая, как уносятся вверх к звёздам оранжевые искорки

от костра, Лори – слушая их затихающее шипение. Впереди было захватывающее приключение и общая мечта.

Разве было что-то крепче и надежнее на Апике, чем связь этих двоих?

КОФЕ И ЭПИДЕМИЯ

– Ты проходи, проходи. Разувайся. Вот тапочки чистые, – Яков Семёнович хлопотал у входной двери, принимая в свои гостеприимные объятия зятя.

Долговязый археолог семидесяти двух лет любых гостей всегда встречал радушно, потому как предвкушал приятную беседу и оправдывал рюмашечку коньяку.

– Я салаттики нарезал, по рюмочке кофейку сообразим, – продолжал суетиться Яков Семёнович, зазывая родственника на кухню, поправляя забинтованные на переносице очки и поглаживая клинообразную бородку «а-ля-Троцкий».

Серёжа, как обычно, зашёл отдать книги. Он уже знал, что у Якова Семёновича лучше не обедать. Почему так-то? Да потому что, то яблоко с сыром смешает, то апельсин с колбасой, а то и вовсе одуванчики с картошкой. Благо, для одуванчиков нынче не сезон, но Серёжа рисковать не стал и на изысканные салаты не польстился.

А вот по части напитков тесть был непревзойдённый мастер, специалист и коллекционер. Тут тебе и бар в серванте со всем на свете со всего мира, от трёхпроцентной крепости жидкостей, наливок, настоек, бальзамов, ликёров, вин до семидесятипроцентного самодела, тут тебе и чай всех мастей и ароматов, от дешёвых (в бумажных сумочках) до раскрывающегося крупнолиста. Отдельным пунктом – кофе в непро-

зрачных банках и пакетах с витиеватыми золотыми надписями.

Серёжа присел, незаметно отодвинув от себя цветастые мисочки не пойми с чем, и положил себе пару магазинных печенек, а Яков Семёнович подготовил ему кофейную чашку.

– Кстати о кофе, – археолог как бы невзначай поставил на стол армянский коньяк в янтарных переливах.

– Я весь ваш, – улыбнулся Серёжа, понимая, что, как всегда, здесь его угостят занимательной историей.

– Видишь ли, дружок, коллега мой из Эфиопии прислал интересные заметки. Второй день перечитываю.

Не буду загружать тебя научными подробностями, дабы не потерять прелесть сказочного повествования. Давным-давно жило в тех местах эфиопских темнокожее племя. Жили себе, не тужили, домики из чего-попало лепили, на зверьё охотились, размножались с удовольствием. И вдруг, случись беда непоправимая. Напала откуда ни возьмись хворь... Сначала на одного, потом на жену его, потом на детей, и так пошло по цепочке. Состояние нездоровья заключалось в следующем: гнили и болели уши, от ушей зараза распространялась вовнутрь, и в конце концов в страшных болевых мучениях человек умирал. Погибали, надо сказать, не все. В основном те, кто старый да дряхлый, или уже и так на ладан дышал. Но народ переживал, болтал всякое про проклятие богов и тому подобные инсинуации.

Призадумался сильно вожак племени и в смятении болезненном созвал собрание местных мудрецов. Решили они, что причина загнивания ушей неизвестная, но можно бы попробовать исправить ситуацию. Очередному заболевшему отрезали поражённые уши, раны прижгли. Неожиданно этот соплеменник выкарабкался и даже стал жить прежней жизнью.

Обрадовались мудрецы, собрались снова (собраться – это ж всегда полезно для ощущения собственной важности и придания собранию статуса особой избранности и загадочности).

Так вот, собрались они, пьют ягодный напиток, вероятно (кофе-то у них точно не было!), и додумались, что, во избежание повторения болезни, уши старикам и слабым лучше бы отрезать. Спустя какое-то время, решили они, что и без ушей жить нормально, стали ампутировать всем. Потом, опять собравшись, решили, что резать уши взрослому человеку как-то хлопотно и больно, так что гораздо эффективнее и проще отрезать уши всем новорожденным. Так сменилось несколько поколений. Болезни уже не было в помине, но тамошние безухие акушерки обязательно отрезали уши всем, кто рождался, уже не помня и не понимая, зачем они это делают.

В один по-африкански солнечный день заявилось на эти земли другое племя. С копьями, с ушами и с невозмутимым желанием пополнить запасы женщин. Испугалась и запаниковала наша безухая братия. Вожак и мудрецы повели всех к

краю самой высокой скалы, и случилось добровольное массовое самоуничтожение.

Яков Семёнович секунд на пятнадцать завис, в его умных зрачках за толстыми стёклами светился микрокосмос. Так, в раздумьях, он наполнил чашку зятя чёрным кофе и открыл коробку конфет.

– Так, а что кофе? – спросил Серёжа.

– А что кофе? – не понял археолог.

– Ну... Вы в начале рассказа сказали: «Кстати, о кофе», – напомнил внимательный зять.

– А... – Яков Семёнович закинул за щеку три конфетки сразу и, жуя шоколад, вопреки этикету, промямлил с набитым ртом, – говорю же, не было у них кофе... Вот дурью-то и маялись.

КОФЕ И ДВОЕ

Максим не находил себе места уже второй день. Утром забыл позавтракать и, что самое необычное, о еде не вспомнил даже в обед. Только когда молодой голодный желудок начал петь серенады на весь офис, Макс напился сладкого чаю и съел из общего холодильника чей-то заботливо подписанный бутерброд.

Графики и таблицы рисовал на автопилоте, не мог сосредоточиться. Хлопкообразные облака, выпирающие из яркой синевы весеннего неба за окном, вдруг стали такими близкими и волнительными. Заставка на соседнем компьютере с пальмами и розовым закатом почему-то теперь не казалась избитой и дурацкой.

Нужно сказать, что вот уже несколько дней за соседним столом для Макса сосредоточился весь мир, вся вселенная. Вселенную звали Катя, и её тёмные завитки на затылке не подозревали, что много раз были воображаемо поглажены и поцелованы.

Катя повернулась на крутящемся стуле, протягивая ему распечатанные бумаги, что-то показывала, обводила карандашом и что-то комментировала.

Макс слушал, но ничегошеньки не слышал, думая о том, какая у неё гладкая кожа и приятный тембр голоса.

Вечером, лёжа в постели, вместо прохождения любимой

игры, Максим нашёл Катю во всех соцсетях, в которых она была зарегистрирована, изучил и поставил сердца практически всем её фотографиям, решая, куда бы он мог её пригласить.

В двадцать два года он всё ещё жил с родителями, но тема переезда и окончательного перехода к самостоятельному существованию неоднократно поднималась обеими сторонами.

Мама читала на кухне, отец в зале на диване. Оба были осовремененные, любые темы в семье обсуждались легко и непринуждённо.

– Мам, мне кажется...

– И кто она? – мама оторвалась от чтива.

– Откуда ты?.. – недоумевал Максим.

– Всё ясно, как белый день. Не ешь. Брился тридцать пять минут вместо десяти. Рубашку передел дважды, обычно берёшь первую попавшуюся. И, в конце концов, ты сидишь сейчас здесь, передо мной вместо того, чтобы эмоционально уничтожить своих компьютерных монстров.

– И...

– Послушай. Я дам тебе совет. Следовать ему или нет, решать тебе. Первый порыв, первый восторг – это вещи обманчивые. Это гормоны, физическое влечение и ничего более. Не стоит доверять ускоренному биению сердца при виде длинных ног. И напротив, к человеку можно не чувствовать никакой симпатии, но затем, общаясь с ним день за днём,

раскрывая его суть... – мама говорила долго, но он перестал улавливать смысл звучащих слов.

Макс отвлёкся на сиреневую темноту в окне, стёкла которого отражали кухню, мамину спину и его лицо. Через пол часа он сидел в кресле у дивана, на котором читал отец.

– Хочешь – бери, – сказал папа, глядя на сына поверх очков и заламывая книжную страницу.

– В смысле? – не понял сын.

– Пришёл, увидел, женился. Что тут непонятного?

– Вот так сразу?

– А чего маяться и её мучать? Запомни, любая нормальная девушка с момента твоего первого долгого взгляда на неё видит себя в белоснежном ажуре и с обручальным кольцом. Месяц. Вполне достаточно, – отец кашлянул, намереваясь продолжить чтение, – главное проверь, что в её семье нет прокажённых и умалишённых.

Макс выставлял на телефоне будильник и соображал, помогла ли беседа с родителями или ещё больше запутала его и без того сумбурные мысли.

Экран осветило сообщение от Кати.

«Пожалуйста, отдай мой отчёт по кофейному аукциону из Эфиопии, он на столе, я утром опоздаю».

«С тебя кофе».

«А я думала, ты никогда не пригласишь...»

Макс засыпал. Ему снилась Катя на жарких кофейных плантациях, Катя, подбрасывающая в небо кофейные зёр-

на... «Пришёл, увидел... напоил».

КОФЕ И БЕСЫ

У Леонида Егоровича не было любовницы.

Он не особо задумывался над этим раньше. Но этот год был тревожный. Леонид Егорович не желал, чтобы он заканчивался. Потому что сейчас, пока ему всё ещё сорок девять – это всё-таки сорок девять. Но вот пролетят несколько месяцев, и за длинным праздничным столом его сослуживцы, родственники и приятели официально, скаля пьяные зубы, объявят вслух страшный приговор.

Ноги стола будут подкашиваться от показного изобилия, а ноги Леонида Егоровича будут подкашиваться от тяжёлой юбилейной цифры – пятьдесят. Как же так? Когда успелось? Полжизни... Но он будет стоять с дорогим бокалом, в который налито что-то дорогое, улыбаться одним только ртом, ибо глаза его не в состоянии будут притворяться, и принимать заученные пожелания.

Леонид Егорович малодушно подумывал на свой день рождения заболеть или срочно куда-то улететь, но понимал, что при его должности в УБЭП это слишком неприлично, этого не поймут и не одобрят.

С женой они прожили двадцать два года. И всё бы ничего, но изо дня в день Леонид Егорович наблюдал, как у его коллег по цеху меняется и цветёт многогранная личная жизнь. У Пашкова, которому сорок два, любовница, на вид лет два-

дцать. Игнатъев, которому сорок пять, развёлся, женился, ей двадцать семь. У Кириенко, которому пятьдесят четыре, две любовницы, одной двадцать два, другой тридцать, и у обеих от него дети.

Молодые женщины, с ухоженными стройными телами, водили машины представительского класса, одевались в центральных бутиках, носили норковые шубы и капризные губы. Это был какой-то статусный атрибут, это было нечто, что позволяло Пашкову, Игнатъеву, Кириенко и иже с ними хорохориться и высоко держать подбородок, как бы заявляя: «Я всё ещё ого-го».

Леонид Егорович исподтишка поглядывал в окна на то, как роскошные пассии выходили из машин, неся на своих лицах бремя недавно приобретённого высокомерия и принадлежности к элите. И ему хотелось, очень хотелось приобщиться к этому сообществу возрождённой молодости. Ему тоже хотелось, чтобы рядом в ресторане на банкете сидела вот такая манерная содержанка, многозначительно глядя ему в глаза, наливая ему спиртное, потому что после сиделок сама сядет за руль и отвезёт его домой, в тайное гнёздышко, где оденет корсет с подвязками, чулки с возбуждающим кружевом и не даст ему уснуть до утра.

В области романтики Леонид Егорович был мужчиной простоватым и неискушённым. Жене был почти верен, если не считать две командировки, в которых он решил отпустить поводья и в невероятно нетрезвом порыве соблазнил одно-

ких великовозрастных дам. В итоге эти свои поездки с духом свободы он старался забыть: на приключения, добавляющие ему баллов, они не тянули.

Леонид Егорович допускал, что наличие молодой эффектной женщины на стороне добавит в его бюджет большую расходную статью. Но теперь, на пороге пятидесятилетнего юбилея, он был на это готов.

Дело стало за малым: найти подходящую кандидатуру. Леонид Егорович рассудил так. Девушка должна быть не балованная, молодая, лучше студентка. А студенток искать где? В общественном транспорте. Он оставил автомобиль на парковке и решил проехаться на службу на маршрутном автобусе.

Кроме того, по опыту он знал, что мало у кого есть такт не злоупотреблять выгодным знакомством. Будущая любовница должна его полюбить просто так, а уж потом подарки.

В оранжевом автобусе номер семьдесят семь все сидения были заняты, и Марина стояла у окна, держась за поручень, слегка раскачиваясь из стороны в сторону на тонких каблучках, в такт автобусным манёврам. Мужчина встал с ней рядом, время от времени заглядываясь на её лицо. С чего-то начал разговор, слово за слово, теряя её внимание, он таки протянул свою визитку, которая, несомненно, должна была пленить воображение девушки. Они разошлись с уверениями созвониться. Марина была третьекурсница и несмотря на то, что ездила она на автобусах, троллейбусах, а иногда даже

трамваях, цену себе она знала, на жизнь имела планы грандиозные и была неотразима на пике цветения уверенности в непрерывной встрече прекрасного принца на белом коне. Заигрывания незнакомца, годившегося ей в отцы, Марина восприняла с лёгким испугом, недоумением, выжимала из себя улыбку и общие фразы, оставила ему неправильный номер телефона, а солидную визитку выбросила.

Леонид Егорович понял по её искусственной улыбке, по сдержанным ответам, по отведенному в нетерпении взгляду, что ему не перезвонят. Попробовал этим же вечером позвониться сам и убедился в своих подозрениях. Но не отчаялся. Он просто неправильно начал.

Всё-таки он уже не мальчик, и наличие хорошей машины обязательно поспособствует ему в знакомстве с будущей музой. Было, конечно, немного обидно, что внешне он не производил нужного впечатления, но зато у него была должность, деньги, положение, так сказать, в обществе. Сев в автомобиль, он ехал медленно, сбавляя ход ещё больше на переполненных автобусных остановках.

Наконец, ему повезло, и одна девушка сказочно привлекательной наружности подала знак рукой. Он притормозил. Она наклонилась в приспущенное окно, случайно демонстрируя шёлковое бельё в разрезе кофточки и свежую грудь. Во время поездки Леонид Егорович с ужасом сообразил, что элементарно подобрал придорожную жрицу любви. Расстались они почти тут же: он максимально глубоко вжал голову

в плечи, а она максимально громко хлопнула дверью.

Не везёт, так не везёт. Надо же, какая неуклюжесть во всём этом... А что, если познакомиться прямо возле университета?

Леонид Егорович закурил, облокотившись на кованый забор у второго корпуса гуманитарного вуза. Тут он увидел своё отражение в витражах и подумал, что похож сейчас на озабоченного шакала, поджидающего под кустом юную наивную газель. Ему стало так противно, что подскочило давление. Он нервно затоптал окурок, взял такси, сообщил по телефону секретарю, что сегодня его не будет, и отправился домой.

Наутро проснулся он в каком-то спокойном приятном отупении. Жена уходила на работу.

– Завтрак на плите, – она в спешке обувалась, – варенье брусничное к блинчикам взяла у мамы, как ты любишь; тонометр на подоконнике, последи за собой пожалуйста; зубная паста твоя любимая на верхней полочке, по-моему, старая уже закончилась; кофе там у плиты, без кофеина со вкусом ирландских сливок...

«И куда я лез? – присёрбывал кофе Леонид Егорович, – седина в голову... Кофе в пищевод».

КОФЕ И АД

Сатана восседал на громадном железном троне, который попеременно то потрескивал потусторонними белёсыми электрическими разрядами, то переливался раскалёнными красно-оранжевыми волнами. По всему безразмерному тронному залу, тут и там, вспыхивали кострища, раздавались тяжкие стоны; стук половников о котлы и нарочито вежливая ругань чертей тонули в стенаниях мучеников.

– Нет уж, заберите его себе, любезнейший, в моём котле сплошь прелюбодеи, – один из чертей отпихивал от себя измождённое страданиями мужское тело.

– Да неужели вы не видите, что мой котёл начисто переполнен! Уверяю вас, эта несчастная душа испортила немало невинных девушек и вполне подходит под вашу юрисдикцию, – отнекивался другой чёрт.

– Позвольте! Но всех этих девушек он обеспечил и обогрел, его грех исключительно в хищениях в особо крупных размерах. Ведь не проходило ни дня, чтобы он не присваивал себе чужое добро, так что он целиком и полностью ваш, – спорил первый чёрт.

Такие мелкие дразги и междоусобицы прерывались лишь на время обеденного перерыва. В обед черти оставляли в покое котлы со своими подопечными и собирались в помещении с угольными стенами и куполообразным потолком. Са-

тана назвал это место в недрах своих владений Планетарием. Здесь черти питались.

Потолок вдруг будто улетал вверх, а затем становился прозрачным, демонстрируя преисподней безграничную красоту космоса. Далее, словно некая движущаяся скрытая камера, потолок останавливался на каком-либо здании или какой-либо местности, устремляясь в детали чьей-то человеческой жизни.

Сегодняшняя сцена явила двоих. Мужчина грубо отчитывал женщину, переходя на крик, потом замахнулся на неё. Женщина взвизгнула и разразилась рыданиями. Она отвернулась от мужчины (прямо в несуществующую камеру) с искажённым обидой и душевной болью лицом.

– Ах, – хором вдохнули черти, с удовольствием потирая животы.

Покончив с обедом, черти тёрлись об угольные стены, дабы обновить чёрный окрас и шелковистость шкурки. После отдыха вновь закипала работа и котлы.

Сатана перелистывал адскую ведомость и подводил итоги дня.

– Так-так. Что тут у нас? Утопленники, висельники, воры, убийцы, обжоры, лизоблюды, завистники, пьяницы, наркоманы, олигархи... Хорошо, хорошо. Сегодня урожайно.

Сатана водил острым ногтем по пылающим страницам с тлеющими буквами и вдруг... Он остановил свой взгляд на последней строчке.

– И... Ася...

Сатана сощурился, отодвинул ведомость подальше от глаз, снова придвинул поближе, желая убедиться в прочитанном.

– Так и есть. Ася.

Брови его, шиповидные и широкие, полезли вверх, высокий лоб его покрылся длинными огненными волнами морщин, демонстрируя растерянность и удивление. Явление это было настолько редким, что черти от трона, на всякий случай, отодвинулись подальше, кое-кто прижался к другому собрату, кое-кто присел, поджав хвост. Потому как, чего ожидать от такой сатанинской моськи, никто не знал. Разве есть что-то страшнее неопределённости?

– Что такое Ася? – наконец выдавил из себя Сатана, переводя глаза с одного черта на другого.

От чумазо-чёрной толпы отделился человеческий силуэт и произнёс:

– Не что такое, а кто такая, – сказала девушка. – Я Ася.

– Ты Ася? – он ожидал пояснений. – Меня мало волнует твоё имя. И мне странно, что оно выведено в моей адской ведомости, ибо она не знает имён. Что за клеймо на тебе? В какую группу мы тебя зачислим? Ты вор? Или ты кого-то придушила в порыве страсти? – Сатана был терпелив, торопиться ему было некуда.

– Что вы, нет. Ничего такого за мной не водится, – дёрнула плечиками Ася.

– Позвольте мне пояснить, о Владыка, – несмело залепетал низенький пухленький чертёнок, робко выступая вперёд, – эта душа не совершила ни одного из обозначенных грехов. Но определить её в Рай нет никакой возможности, так как её самые добрые и самые искренние, полные наивности поступки привели многих людей к разного рода несчастьям.

– Например? – произнёс Сатана с любопытством разглядывая Асю.

– Ася пожелала добра своей подруге и рассказала ей об измене её мужа, семья распалась, и двое детей остались без отца, – деловито жестикулируя стал перечислять чертёнок, – Ася посоветовала своей знакомой лекарство, которое принимала сама, а меж тем знакомой стало от него значительно хуже; Ася рассказала своей соседке, что дочь её завела роман с репетитором английского, и соседка разорвала эти отношения (прошу учесть, Владыка, что по нашим прогнозам, от этой связи должен был родиться гениальный физик); Ася резко крикнула вслед лыжнику, чтобы он был осторожен, он отвлёкся на крик и расшибся, семья потратила все сбережения на его лечение...

– Ты хочешь сказать, что эта... Мм... Ася... наикатастрофическим образом вмешивалась в жизни других людей? – оборвал его Сатана.

– Именно так, – подтвердил чертёнок, – только вот дело в том, что всё это она совершала без всяких задних мыслей, с

открытой душой, чистым сердцем, благими намерениями... – хихикнул он на последних словах, и другие черти тоже стали посмеиваться, оценив остроумное замечание.

– Ясно, – усмехнулся Сатана и углядел в сегодняшнем происшествии возможность немного развеяться и развлечься. Он покажет ей Ад, пока придумает к какой категории её причислить.

– Ну что же, Ася, – выдохнул Сатана зычным басом, – пойдем-ка, покажу тебе местные красоты.

– Что же вы мне будете показывать? – удивилась Ася.

И была поражена. Души попавших в Ад прекрасно проводили время. На бесконечной территории Ада была масса увеселительных заведений, парков, аттракционов, библиотек, театров, кинозалов, уголков для уединения. Всё это утопало в живописных водопадах, лесах и горных вершинах. Здесь было место, где всегда лежал пушистый искрящийся снег, здесь были острова с молочно-белым гладким песком... Короче говоря, всё, что можно было себе вообразить, только в гораздо более ярких красках, обозначило своё присутствие и было доступно любому возжелавшему.

– Но как же котлы? – поражалась Ася.

– Ну... В них души варятся с девяти утра до обеда. Затем с двух часов дня до семи часов вечера. И, по сути, они ощущают и переживают во время этого процесса что-то сродни хождению на нелюбимую низкооплачиваемую работу, – пояснил Сатана.

– Это недурственно! – обрадовалась Ася, – а что же такое Рай? Какой он, Рай? – Ася наивно глядела в налитые кровью очи.

– О! Там скучно, – уверил Владыка Тьмы, – и попадают туда одни блаженные да особо одарённые, люди тусклые и душевно больные. Лечат им души спокойствием, тишью и херувимскими песнопениями. Ничего, кроме тёплого задушевного света и мохнатых облаков, там нет.

– Прекрасно! – воскликнула Ася и поспешила воспользоваться всем тем, что предстало пред её ненасытным взором.

Ася посетила дискотеку, попробовала сногшибательные коктейли, в ресторане с хрустящими скатертями, залитыми золотом софитов, многократно отражённых в веренице зеркал, заказала устриц, ананасов, чёрной икры и шампанского, прыгнула с парашютом, посидела за штурвалом самолёта, нырнула с аквалангом в океанские чудеса, сыграла в казино, прокатилась на яхте... Ася была не в силах прикрыть свой ящик Пандоры, с непрерывно вылетающими из него желаниями и несбывшимися при жизни мечтами. Пока вдруг не осознала, что впереди у неё целая многообещающая вечность, за которую она всё узнает, всё испробует, перечитает всё когда-либо написанное.

В чудном настроении она вернулась к трону Владыки со счастливой улыбкой на лице.

– Послушайте, милейший, – обратилась она к Сатане, отвлекая его от раздумий, – а где бы мне выпить кофе?

– Выпить чего? – поднял левую бровь Владыка.

– Кофе, – повторила Ася, – капучино со стойкой плотной пенкой и карамельным сиропом.

– Нет здесь такого, – отрезал Сатана, теряя к Асе интерес.

Ася присела на ступеньку у трона, не замечая исходящего от него жара, способного уничтожить всё живое.

– Это Ад, – прошептала Ася, обнимая лицо печальными ладошками.

КОФЕ И ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ 2

Быть всегда недовольным и подозрительным пессимистом полезно для здоровья. И не надо легковерно впитывать в себя новомодные рекомендации психологов радоваться каждому мгновению. Во-первых, восхищаться каждой встречной мелочью, никакого позитивного заряда не хватит. Во-вторых, эйфория порождает беспечность.

Засмотрелся с блаженной улыбкой на щебечущих птичек – вступил в лужу; остановил умильный взгляд на ухоженных руках кассирши – забыл сдачу...

На Апике, как и на Земле, такая закономерность тоже наблюдалась: залюбовался на солнце, еле-еле прорисовывающееся сквозь тусклые тучи, – на тебя напали, голову на всем отгрызли и пожитки бессовестно присвоили.

Поэтому Лори был всегда начеку. Он и так-то редко улыбался, а когда в тяжёлой схватке практически потерял зрение, глубокая поперечная морщинка стала верной спутницей его фиолетовых бровей. Он постоянно настороженно прислушивался и водил носом то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Медленно, внимательно, не пропуская ни единого звука, сначала слушал, потом нюхал.

Узреть солнце удавалось нечасто. Жизнь здесь, на Апике,

была хмурая, сырая и дождливая, поэтому кожный покров у таких представителей бродяг, как Лори и Дрыщ, был синеватый или голубоватый.

Дрыщ, несмотря на утерянную в бою ходовую конечность, балагурил, рассказывал страшные байки про хищников, о том, как попадал в неприятности, с восхищением описывал города строителей. Но это на привале. Во время передвижения, сидя за спиной у Лори в специально сделанном Лори кожаном мешке на ремнях с прорезями, он, не умолкая, командовал куда идти, чётко обозначая каждый куст и камень.

Дрыщ был существом удивительным. Совокупность сурового жизненного опыта, наблюдательности и богатого воображения делала его непревзойдённым рассказчиком. И странно то, что, получив травму, превратившую его в калеку, и, опять же, массу негативного и печального опыта, Дрыщ оставался восторженным романтиком и мечтателем. Возможно, поэтому та же жизнь чудесным образом открыла именно ему портал в другой мир. Мир, в котором Дрыщ обнаружил средство, способное обеспечить его материальное благополучие до самой смерти.

Лори и Дрыщ часто размышляли одновременно об одной и той же сладостной мечте, об их конечном пункте назначения. Тем не менее, почти не говорили на эту тему – зачем почём зря сотрясать воздух пустой болтовнёй? Каждый из них знал, что цель у них общая.

Сначала они попадут через портал на Землю, в Кению,

добудут десять мешков кофейных зёрен. Потом продадут их строителям. Потом они станут владельцами крепости с мощными отливами, неприступными стенами и острыми крышами. А в самой главной башне, посреди центрального зала с низкими потолками выдолбят круглое углубление, в котором никогда не погаснет согревающее пламя. Там можно будет расслабиться по-настоящему. Отпустить страх и постоянное ожидание опасности.

Иногда их мысли бежали вперёд, в будущее, выводя на поверхность каверзный вопрос: что же дальше? Потом, когда они наслаждаются спокойствием у костра? Сколько лун они, вечные скитальцы и вояки, будут нежиться в уюте и тепле, оберегаемые ограждениями и высотой стен, прежде чем коварная скука забредёт к ним в крепость? Цель, несомненно, должна быть. Но что делать, когда она достигнута? Удовольствие от результата не бесконечно...

Но это ещё далеко, и от дум в этом направлении можно было отмахнуться.

Подбирались слепые сумерки и пора было раздобыть инисов. Инисы, похожие на двустворчатых моллюсков, росли под приблизительно тридцати-сорокасантиметровым слоем рыхлой влажной почвы. К сожалению, ими нельзя было запастись впрок: теряя связь с сетью, напоминающей грибной мицелий со множеством извивающихся ризоморфов, на долгое время, они погибали и утрачивали свою бесценную способность. Крошечная полая горошина внутри иниса при от-

крытии ракушки и соприкосновении с местным воздухом самовозгоралась. Это был единственный, известный на Апике, способ добывать живительный огонь.

– У меня целая туча идей и разработок в голове, только что с этим делать, я не знаю, – вздыхал Дрыщ, – я подозреваю, что по отросткам, которые подходят к основаниям инисов, проходит какое-то вещество, которое мы не видим и не можем учуять. Еще, мне кажется, что, если бы добраться до сердцевины этих сплетений, глубоко, очень глубоко, то мы сможем отыскать то, что питает инисы... И тогда, каким-то образом, мы смогли бы добывать это вещество. Может быть даже сделать резервуары. И мы в любой момент сможем зажечь пламя, выпуская вещество наружу, когда нужно.

– Возможно, – поддакнул Лори с кривоватой усмешкой на губах, рассеяно слушая очередные несусветные выдумки Дрыща.

– Я хочу рассказать тебе кое-что, – сказал Дрыщ.

По его напряжённому голосу, который вдруг стал тише, ниже, и представился в голове у Лори насыщенным синева-то-серебристым, Лори понял, что сейчас наконец-то услышит что-то важное о портале.

Желание поведать своё сокровенное возникает, когда об этом сокровенном никто не спрашивает. От влезających в душу расспросов и выпытывающих пристальных взглядов коробит, от них всегда хочется отгородиться. Высказаться же рвёшься в ответ на понимающее молчание или отсутствие к

тебе интереса. Открыть наболевшее легче постороннему попутчику, который случайно появился и исчезнет, безразлично унося твою историю в неизвестном направлении.

Лори умел разумно молчать и не спрашивать. И Дрыща прорвало на откровенность.

Одним ухом Лори впитывал важную информацию, другим бдительно слушал шорох ветвей и листьев, чтобы не подпустить близко вездесущих хищников. Лори жадно внимал, и тонкие кончики его поцарапанных, а местами и покусанных, ушей дрожали. Через одну луну они дойдут до того самого места. Они пройдут сквозь портал. Они увидят солнце. Чужое, яркое, ослепляющее солнце, дарящее возможность созреть продолговатым красным ягодам с сердцевинкой, которая изменит их жизнь.

КОФЕ И ВОЗМЕЗДИЕ

Сегодня на общей светлой кухне для сотрудников архитектурного департамента и дизайнеров установили новый кофейный аппарат.

В эту корпорацию не попадали люди с улицы, хотя филиалы и подразделения росли, как грибы после дождя. Поэтому Силя (сокращённо от Сильвестрина) чувствовала себя избранной. Она определённо заслужила здесь работать и довольно скоро вписалась в большой коллектив.

Ещё со школьной скамьи Сильвестрина обнаружила за собой страшное для девочки отклонение – любовь к алгебре и геометрии. А лучшим подарком для неё были ручки, карандаши, угли, маркеры, краски.

Как только у Сили появились первые карманные деньги, она, под восторженную руку парикмахера и «о-боже-что-она-делает» посетителей, состригла свои густые чёрные косы. Она сбросила их, словно путы, обязывающие её флиртовать, строить глазки и жеманиться. Тяжёлыми шелковистыми тёмными змеями волосы пали под парикмахерское кресло, и пала подростковая робость: Силя перестала себя стесняться. Она гордо подняла ничуть не лишённую женственности голову и определилась в какой ВУЗ хочет поступить.

Хрупкая и высокая, с огромными любопытными глазищами, она не замечала мужских взглядов и обхаживаний, по-

глощённая работой. Не то, чтобы она совсем не интересовалась сильной половиной человечества, но мужчины, помимо сугубо рабочих моментов, ей были как-то неведомы и непонятны. Другое дело здания, углы, дома, архитектурные ансамбли. Линии... Формы... Пропорции... Элементы...

Когда Силя открывала планшет и брала в руки стилус, или когда она разворачивала альбом и точила карандаш, то лицо её освещало нечто. Такой лёгкий свет появляется в глазах влюблённого юноши, который, ожидая за столиком в кафе, наконец-то видит за окном свою избранницу. Что-то между восторгом и тихим счастьем с привкусом мечты. Не совсем ещё радость, но какая-то одухотворённость и нежность.

Увы, даже для тонких, одарённых и незлобных натур любой офис на любом предприятии всегда подбросит такого персонажа, который невзлюбив почему начинает со систематической назойливостью портить кровь.

Таким персонажем для Силя с первых рабочих дней стала заместитель руководителя департамента Есения Станиславовна Шасоян. Проще – Яся.

Наличие стольких шипящих звуков, по-видимому, отразилось на характере зама, и за глаза самые смелые и неприкосновенные называли её «гюрза-ян» и «шиза-ян». И если до прихода Силя Есения Станиславовна как-то распределяла свой змеиный яд меж сотрудников, то теперь весь он, целиком и полностью, выливался исключительно на Силю.

Яся была слишком красива для того, чтобы быть умной.

Есения с первого же взгляда ослепляла и покоряла. Идеальные пропорции подтянутой двадцати девятилетней фигуры были со вкусом подчёркнуты подходящим облачением. Активная, свежая, до скрипа на зубах ухоженная, зоркая, в дохруста прекрасных белоснежных деловых платьях и брючных костюмах, на десятисантиметровой шпильке с красной подошвой, со сказочной волной платиновых волос, Есения всегда была лицом департамента и любимицей руководителя.

Остальные простые смертные в отделе её не любили. Женщины по понятным причинам, а мужчины за резкость и высокомерие: она неоднократно и неоднозначно давала им понять, что никто из них её не достоин.

На этой неделе решался вопрос о том, кого отправить в ответственное турне Кения-Италия-Португалия. На правах заместителя руководителя Есения просматривала подготовленный Сильвестриной проект. С каждой новой страницей Яся понимала, что он не просто хорош, а хорош до завистливых мурашек на затылке, местами гениален.

«Совещание уже сегодня. За границу точно отправят Силю. Это её идеи, её разработки, у неё свободный английский и бытовой итальянский, она по-деловому хороша собой. А значит, знакомиться с деятельными иностранцами на кенийских кофейных аукционах будет Силя, в Португалии увидится и поужинает с председателем правления Силя, по итальянским бутикам и ресторанам с учредителями будет хо-

дить Силя. Ну уж нет».

И Есения решила сделать ход конём. Силе она сказала, что собирается вся верхушка в зале для конференций двумя этажами ниже и назвала время на час позже назначенного. Сама же у себя в офисе принялась тщательно изучать и зазубривать материалы, набрасывая тезисы, чтоб не сбиться.

К трём часам дня сливки нескольких отделов начали подтягиваться к кабинету директора архитектурного департамента.

Есения Станиславовна упростила ничего не подозревающую Сильвестрину спуститься вниз за пирожными к кофе. Яся знала, что кафе на первом этаже с двух до трёх походило на взорвавшийся муравейник, из которого Силя не выползет минут тридцать-сорок.

Сама же Яся, проверив в пудренице свой безупречный макияж, без пяти три подошла к ново установленному на кухне кофейному аппарату. Сейчас, перед ответственным выступлением, ей очень нужен двойной эспрессо. Но, то ли подключили аппарат неправильно, то ли заправили неаккуратно, вместо того чтобы тонкой плавной струйкой наполнить чашечку, обезумевшая машина несколько раз щедро плюнула из обеих сосочков коричневой жижей.

Сильвестрина без пяти три у входа в лифт по счастливой случайности встретила директора и, узнав, что совещание сейчас начнётся, конечно же никуда не поехала.

Яся сначала не поверила, что это произошло с ней. Она

застыла на кухне и в ужасе смотрела на тёмные, неживописные пятна на её белом платье. Она попыталась отмыть их водой, но получилось только хуже, всё размазалось. Яся судорожно соображала, что же делать. Сменной одежды в офисе нет. Послать кого-то к себе домой, уйдёт не менее часа. Она понеслась в дамскую комнату, стянула платье и снова попыталась отстирать, используя жидкое мыло. Жидкое мыло с вырывающим глаз цветом фуксии не только не помогло, но ещё и оставило на дорогой белой ткани розовые разводы. Яся тёрла и тёрла, не замечая, что плачет. Сделав, наконец, всё возможное, с покрасневшими руками, она включила сушилку и подставила платье под горячий воздух. Когда Яся, вспотевшая и с кляксами туши под глазами, надела на себя сырое платье в светло жёлтых и розоватых потёках, на часах было три сорок пять.

В четыре часа в уборную заглянула Силя.

А в пять Силя и Яся сидели в кафе вестибюля, пили кофе и ели пончики. Яся была в Силиных джинсах и свитере.

– Меня спросили, кого бы я хотела взять с собой в поездку. Я сказала, что тебя, – улыбалась Сильвестрина.

– Запомни, мы не подружились! – Яся хмуро жевала пышный пончик, роняя на чужой свитер розовую глазурь.

КОФЕ В КАИРЕ

Каир – мегаполис, от которого мгновенно устаешь. Устаёт сразу всё: и глаз, и нервы, и душа.

Тянутся в небо тонкие резные минареты мечетей и пухлые разрисованные купола церквей, словно соревнуются, кто с восходом первый докричится до своего Всевышнего. Битые со всех сторон машины рвутся ухватить свой кусочек дорожного полотна, выпрыгивая друг перед другом, не соблюдая никаких правил и приличий.

Легко растеряться. Каир смущает.

Вот Вадим выехал из широких ворот роскошного отеля с зеркальными фасадными окнами, занеженный и расслабленный вниманием рецепции, уборщиков и портье, и, спустя каких-то пять минут, уже тоскливо взирал на вереницу высотных серых зданий, которые схожи с лицом восставшего из могилы зомби: чёрные пустые глазницы отсутствующих окон на фоне выцветших, серых, с грязными потёками от зимних дождей, стен. Эти многоэтажки долгие годы обречённо ожидают сноса.

Неожиданно из-за поворота выплывает зелёный густой парк с цветниками, но обрывается так же быстро. И снова серо.

В солидный молл Вадим ввалился с ощущением, будто долго ковылял по вязкому пыльному полю и вот, наконец,

вошёл в дом, где можно облегчённо встряхнуться, выдохнуть и осмотреться. Но нет, не обольщаться! Здесь Вадим вымотался ещё больше: от обилия витрин и мелькающих вещей, призывающих себя купить. Техника, мебель, одежда, парфюмерия... Срочно становится очень нужным то, о чём доселе и не знал, и не задумывался. И сразу захотелось есть, пить, сладкого, солёного, японского, тайского, ливанского, итальянского. И сверху на это всё плюхнуть шоколадно-мятное мороженое. И залить кофе.

Когда этот клондайк излишеств и ненужностей был пройден, Вадим вновь тащился по центральным Каирским улочкам, не быстро и не медленно, рывками, то и дело натываясь на неуместно припаркованное авто или попрошайку, или на группы людей, отчего-то бесстрашно вальяжно пересекающих многополосную дорогу. Вот опять его взгляд растерян: вдоль двухметровых окон сверкающего бутика с пышными праздничными платьями, осыпанными сверху донизу звёздными стразами, многократно отражёнными в стёклах и зеркалах, едет деревянная телега. На фоне ослепляющей богатством витрины – старый, облезлый и понурый ослик с иссеченным плетью крупом вяло цокает и кивает своей печальной головой: «Да, да, милый, это Каир, со смесью блеска и нищеты».

Короткий день подходил к концу, и у Вадима уже голова шла кругом от масштаба городских контрастов.

Он захотел воды, остановился у киоска и с ужасом обна-

ружил, что кошелек нет. Телефон был бесполезен без отельного интернета, потому что карточку местную Вадим себе непредусмотрительно не купил.

Вадим, с замученными глазами и тяжёлой от шума, криков, гудков и суеты головой, постоял немного на месте и просто пошёл, как говорится, куда глаза глядят.

Замыленный взгляд привёл туриста в совсем не туристическое место. Христианское кладбище. Поначалу Вадим не понял, где очутился. Высокая цементная ограда и множество небольших зданий, теснившихся и стремившихся прижаться поближе друг к дружке, которые показались Вадиму часоушками какого-то запутанного, большого церковного комплекса. Неуверенно ступая и разглядывая постройки со сферическими крышами и крестами, он увидел на одном из порохов сухого старика в сероватой галабее и двух маленьких детей, играющих с собакой.

Вадиму захотелось сфотографировать, рука потянулась за телефоном, но потом он передумал. Это было как-то неудобно, что ли.

Заметив неместного дяденьку, дети бросились к нему, дёргая его за полы рубахи, протягивая руки и показывая пальцами себе в открытые рты, мол, денег дай, есть охота. Старик, не сдвинувшись с места, довольно улыбался: дети делали свою работу. Вадим, чувствуя себя в этот момент героем Чарли Чаплина, тоже используя международный язык жестов бродяжек и попрошаек, пожал плечами, развёл ру-

ками, а потом вывернул пустые карманы, корча уморительно-грустные гримасы: «Денег нет, я гол, как сокол.»

Дети и собака покружили вокруг туриста ещё немного и, разочарованные, оставили его в покое. Вадима почему-то они не раздражали, он не отмахивался, не хмурился, не возмущался. Забавно, может быть, потому что его карманы действительно пусты?

Вадиму нужно было присесть на минутку, чтобы передохнуть и наметить дальнейший план действий. Пора было как-то возвращаться в отель. Он примостился рядом со стариком. Тот безразлично щурился и молчал.

Бедность странная штука. К ней страшно прикасаться.

Из-за угла вышел слегка чумазый мальчик-подросток лет десяти с пакетом, набитым лепёшками, огурцами, помидорами, солёным белым сыром, острым зелёным перцем и яйцами. Оказалось, паренёк немного говорит по-английски.

Из объяснений мальчика Вадим понял, что это некрополь с семейными склепами и мавзолеями, что дети с отцом живут конкретно в этом склепе, что таких, как они, здесь немало. Хозяева могильных домиков их не гонят, а даже если бы гнали, то они бы не ушли – некуда. Семья стала ужинать: никто не позаботился помыть руки или накрыть стол. Каждый разобрал всего понемногу, собаке бросили хлеба. Старик взял одну лепешку, захватил ею сыр и кусочки помидора и протянул невольному гостю.

Потом на примитивный самодельный мангал из кирпичей

старик примостил чугунный поднос с песком и в аутентичной закопчённой турке сварил крепкий кофе.

Небо серело, пришли сумерки, покрывая всё вокруг пеленой однотонности, будто тот самый Всевышний взял простой карандаш и легонько кладбище заштриховал и пальцем затёр. Кофе Вадима взбудрил. Он языком жестов, как мог, поблагодарил араба за угощение и вышел за территорию захоронений. Он просто поймает такси, доберётся до отеля и там рассчитается с водителем. Как такая элементарная мысль не пришла к нему раньше? Что может быть проще?

Остановить на трассе такси, объяснить таксисту, какой нужен отель, оказалось так муторно, что лучше не описывать, не вспоминать и забыть. Только к полуночи Вадим повалился на широкую белоснежную постель.

– Я мог встретить там криминальных элементов... Да мало ли, что могло со мной там случиться! А вдруг, вши или лишай?.. Мне несказанно повезло, – Вадим запоздало испугался, – ведь и впрямь повезло, меня бы там никто не искал.

Он кутался в одеяло.

– Вот я и побывал в настоящем городе мёртвых... – думал Вадим.

Из всего калейдоскопа впечатлений Вадим запомнит не величественные пирамиды, не пустые музейные экспонаты, не отутюженный отель и не магазины. Завтра он туда вернётся. Так, заглянет на минутку. На всякий случай без кошелька. С жареной курицей, молоком и пирожными. И попросит

сварить ему на песке крепкий сладкий кофе.

КОФЕ И ВЫБОР

Дмитрий совершил глупость непоправимую.

Признался жене в измене.

Жена была не совсем как бы жена. Долгие восемь лет их брак находился в ненавидимом всеми женщинами гражданском состоянии.

Карина отличалась душевностью и трудолюбием. Все эти годы она старательно обустроивала семейный очаг, доводя всё в доме до пределов идеальности, создавая самые, казалось бы, подходящие условия, чтобы любимый мужчина таки решился на штамп в паспорте.

Разносолы на столе, свежие воротнички на рубашках, никаких претензий к поздним приходам, никаких огорчений из-за забытых важных дат. Он оценит, непременно оценит рано или поздно.

Но чем дальше, тем меньше Дмитрию хотелось навсегда связать себя с этой замечательной женщиной. Беседы за ужином становились всё однообразнее. Всё вертелось вокруг еды: что купить, что приготовить, чего бы ему хотелось на обед на завтра, понравился ли ему ужин сегодня; вокруг одежды: что ему купить, что купила она, нравится ли ему её новый халатик, она присмотрела ему костюм; вокруг каких-то неинтересных людей: что сказала соседка, звонила подруга, кому во дворе порезали шины, у кого сбежал кот,

как на площадке кричали чужие дети. Поначалу это виделось ему добротным спокойствием и стабильностью, но с появлением на горизонте женщины другого типа, Дмитрий почувствовал себя погрязшим в каком-то тихом болоте, которое засасывало его не иначе как в дряхлеющую старость. Недавно умиляющий домашний уют показался липкой паутиной.

Несколько раз он пригласил Карину в театр и кино, но, не разгадав её вкуса, повёл на не волнующие её жанры и темы, так что даже обсудить персонажей не вышло. Купил Карине кружевное чёрное бельё и шёлковый пеньюар с полупрозрачными гипюровыми вставками, выгодно открывающими соблазнительные участки тела. Карина восхитилась, примерила, уложила обратно в упаковку для «особого случая» и спрятала со словами: «Это так дорого, наверное».

Шесть месяцев назад секретарь Дмитрия ушла в декрет, и его главный бухгалтер, эффектная умная женщина сорока двух лет, посоветовала на вакантное место свою двадцати двухлетнюю дочь.

Маняша, грамотная и заносчивая, приходила рано, надлежащим образом выполняла все задания и поручения, не проявляя к нему, как к мужчине, никакого интереса. В волосах её бродил ветер юности, верхняя пуговка туго обтягивающей блузки постоянно сама расстёгивалась, чуткий рот эротично сгрызал офисные карандаши, а когда Дмитрий слышал приближающиеся к его двери каблучки, у него учащался пульс.

– Нет, Дмитрий Александрович, она вам не пара, – заме-

тила однажды главбух, поймав его взгляд вслед уходящей Маняше, – поверьте, я её мать, я знаю свою дочь, и вас я знаю уже шесть лет.

Дмитрий краснел, как школьник, но совета не послушал. И почти шесть месяцев жил в двух реальностях. Пылкая Маняша сдалась ему через две недели, с удовольствием и спокойной благодарностью приняв для начала цветы, потом конфеты, потом духи, потом серьги, а потом и совместные выходные в уютном отеле с ароматной сауной и бирюзовым бассейном.

На деловых переговорах он был в ударе, на фирме всё спорилось и горело: рядом, с контрактами, письмами и миниатюрным подносиком с чашечкой кофе, кружила и манила неуловимая Маняша.

Но дома было тяжело. Дима прикрывался неожиданными букетами, которые пугали Карину, говорил Карине много и подробно, как никогда, о работе, о деловых встречах и сделках. Она не улавливала смысла, молчала или кивала, или поддакивала, подкладывая в его тарелку жаркое и салат.

А в офисе главного бухгалтера Диану Игоревну Дмитрий полусхута уже называл тещей. Месяц, другой, третий... Через полгода Дмитрий потерялся. Утомился. Надоело. Карина становилась всё покорнее, всё терпимее и, соответственно, приходя домой, Дима широко зевал, долго принимал душ и водил пальцем по экрану мобильного. На квартире у Маняши было не слаще.

– Где ты была? Кто тебе звонил? Кто подарил тебе этот браслет?

– Я свободная женщина, мы друг другу ничего не должны, не пойму, что тебя не устраивает, – фыркала Маняша, как необъезженный жеребец.

Отели, поездки, курсы повышения квалификации, выставки, аквапарки, теннис, квадроциклы, ипподром... Маняша сводила с ума своей необузданностью и неуловимостью, уверенностью в своей силе и нескончаемыми требованиями новых впечатлений и знаний. Её хотелось окольцевать и привязать, но Маняша привязываться не торопилась.

И вот, Дима признался жене. С ужасом он увидел всё те же преданные очи тоскующей псины и вместо того, чтобы растрогаться, взбесился.

– Запутался. Ненавижу, – Дима сбегал вниз по ступенькам: оставаться с Кариной было невыносимо, но и к Маняше не тянуло. – Ненавижу кого? Себя? Или их? Обоих? Или и себя, и их обоих? Всё, пора заканчивать этот цирк! Пусть катятся к чёрту, обе! Куда я? В отель? К друзьям? Все женаты, да и поздно...

Дмитрий позвонил Диане Игоревне. Есть ли в жизни руководителя кто-то дороже и роднее главного бухгалтера?

Диана была на семь лет старше Дмитрия и жила одна. Она отворила не сразу, понимающе опустив веки в лёгком макияже. Убаюкивающе, мелкими волнами шевелились полы и рукава её бежевого пеньюара из тонкой и мягкой ткани.

В прихожей Дмитрий уловил знакомый горьковато-цитрусовый аромат её парфюма.

На кухне было чисто с налётом типичного для деловой женщины беспорядка на подоконнике и в углу стола: журналы о бухгалтерском учёте и важные вырезки, книги, планшет, блокнот для записей, визитки... Тут же и обычное дамское чтиво в виде модных глянцевого издания, и с закладкой на середине роман Драйзера.

Дима привык не юлить с ней, все их деловые беседы и обсуждения всегда были предельно откровенны. Вот и теперь он выкладывал всё, как на исповеди. Про Карину, про Маняшу.

Диана слушала и заваривала кофе, ритмично ведя ложечку по дну турки, и звук этот, и движение, словно маятник гипнотизёра, завораживали, уносили грусть на дно. Дима до полуночи изливал душу, потом разговор, как само собой разумеющееся, перешёл на темы бюджета, чёрного оборота наличных денег, квартальных отчётов. От отчётов перешли снова к жизни, такой сложной и такой простой, обсудили общих знакомых из налоговой, заставили икать инспектора по пожарной безопасности. К пяти часам утра бездонный экран окна начал светлеть, но спать ни ему, ни ей не хотелось.

– В сон совсем не клонит! Кофе хорош! – кофе действительно был хорош, и Дима остался у «тёщи».

ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ ВСЕЛЕННЫХ

На Апике снова моросило. Сверху мелко сыпало, словно кто сеял воду через ситечко. Дрыщ привёл Лори к порталу. Лори, хоть и был полуслепой, всё же различал светлые и тёмные пятна, и ожидал-таки визуально выделить портал от остального привычного окружения.

– Где сияние? – спросил он Дрыща.

– Какое сияние? – усмехнулся Дрыщ.

– Ну, портал – это штука серьёзная и мощная. Где яркий свет? Блики и молнии? Или это чёрная дыра? – продолжал выспрашивать Лори.

– В том то и дело, что он неприметный.

Дрыщ слез с его плеч и, опершись на самодельный костыль, проковылял немного вперёд.

– Вот слева дерево и справа дерево. Их ветви густые и шуршащие. И там, с обратной стороны, по ту сторону портала, тоже деревья. И тоже зелёные. И так же шуршат. И вода сверху там тоже брызжет. Но чаще в Кении светло и сухо. Только место, куда выходит портал с их стороны, заросшее и тенистое. Знаешь, всегда самое прекрасное и сокровенное с первого взгляда кажется ничем не примечательным. Один шаг – и мы с другой стороны. Ты почувствуешь тепло, кожу

чуть стянет, будет немного больно глазам от света... Хотя, думаю, для тебя это теперь не проблема.

– Нам нужно будет сражаться за зёрна? – настраивался Лори.

– Нет. Я не видел здесь никого с оружием... Только зёрна нужно будет достать из ягод и подогреть на костре. Мы соберём ягоды.

* * *

Силия не ждала от людей благородства и благодарности, поэтому редко разочаровывалась.

Она, поначалу интуитивно, а со временем, подтвердив свою догадку посредством личных наблюдений и прочитанной классической литературы, знала, что нет людей просто плохих или просто хороших. Вот мать её – яркий тому пример. Женщина импульсивная и взбалмошная, ни вниманием, ни лаской Силю не тешила. Но была ли она плохой? Насколько виновата она в том, что ребёнок появился не вовремя и не от того? На сцене она играет императриц, любовниц, волшебниц, любящих жён и заботливых матерей, являясь кумиром для многих обожателей и поклонников. А за кулисами, в запудренной гримёрке, ей удалась лишь роль недолюбленной капризной девочки. Небольшое помещение с подсвеченными зеркалами, всклокоченным хламом и пуфиками похоже на её душу: в ней несчётное количество шпилек и булавок по щелям затеряно, и никогда не знаешь из какого угла мышь выскочит. Сильвестрина была к матери ми-

досердна и не обижалась.

Силя жила глубоко в себе... Или летала в облаках...

Её внутренний мир был настолько разнообразен и безбрежен, что она не искала чьей-то любви или внимания. К ней влекло.

Стоило ей присесть на лавочку в парке, к ней слетались птицы, даже если у неё не было с собой хлеба. В магазине кто-то обязательно подходил с каким-нибудь вопросом, с ней часто заговаривали незнакомцы. В офисе коллеги показывали ей свои зарисовки, интересовались её мнением, спрашивались с ней в кафе во время обеденного перерыва. Её непосредственный руководитель, Есения Станиславовна, несколько раз на день залипала у её стола, как муха на варенье, вкручивая в напольное покрытие свой завистливый каблук.

Силя за собой всего этого не замечала.

Ей не чужды были желания обычной женщины о муже, детях, семейных чаепитиях. Сильвестрине смутно это виделось и грезилось, но ещё расплывчато и нечётко. Для этого, наверное, нужно было созреть? А до того момента, пока семья займёт большую часть её жизни, она хотела реализовать «Заточение».

В свободное время она зарисовывала нечто, что никому не показывала. Этот проект не касался её непосредственной работы, на него не поступало заказа. Задумка возникла будто во сне, и ей непременно нужно было завершить начатое.

Только вот кому понадобится такое диковинное здание? Разве что богатой киностудии или экстравагантному богачу, желающему эпатировать публику. Но то был не обычный проект, то был целый бизнес-план.

По своему назначению – своего рода цитадель с элементами оздоровительной клиники, внешне схожая со средневековым замком. Четыре круглые башни в три этажа по углам комплекса были жилые, в их интерьерах отсутствовали углы, подчёркивая гармоничность, спокойствие и безопасность места. Силя славно потрудилась над головной, пятой башней, у подножия которой были въездные ворота, запланировав в основном холле огромный круглый современный камин. Это придавало помещению загадочности и романтизма.

Люди будут съезжаться в «Заточение» с определённой целью. Сбросить лишние жировые килограммы и тонны осевшего на плечах стресса. Общение с внешним миром для них станет недоступно. Многие стремятся избавиться от пагубной привычки поглощать сахар, курить, пялиться в телефон, но не в состоянии противостоять тому, что их повсюду окружает, лезет в глаза, разжигая нездоровую тягу. Далеко не каждый найдёт в себе достаточно силы воли сказать твёрдое «нет» сладкому наркотику. «Заточение» – это добровольный контракт, толчок к кардинальному изменению своей жизни. Под зорким наблюдением опытных врачей, в окружении активных тренеров и добродушных психологов, человек уви-

дит вокруг только единомышленников, а экраны здешних мониторов покажут фильмы о целебных травах, анатомии, духовных практиках. Сердцевиной комплекса был круглый бассейн, утопающий в тропической подвесной зелени, под стеклянным куполом с высоким водопадом и ячейками с подводным массажем по всему периметру.

Сейчас Сильвестрина сидела в плетёном кресле-качалке у забавной хижины, во внутреннем убранстве и экстерьере которой смешались материалы, мебель и текстиль аборигенов с вездесущим дешёвым пластиком. Кения Силю покорила, впечатлила больше, чем португальские закаты и итальянские соборы. Её командировка подходила к концу. Она уже закончила отчёт и теперь расслаблялась со своим альбомом, прокручивала на планшете объёмный цветной макет «Заточения». Сзади девушки была живая буйно-зелёная изгородь, слева терраса домика, справа двор, довольно длинный, на котором примитивным образом сушились на сетках кофейные ягоды. А вперёд взгляд убегал далеко, огибая яркие африканские ландшафты и плантации арабики.

Знала ли Силя, что рисует чью-то мечту? Могла бы она представить, что двое странников, заглянув ей через плечо, общаясь между собой мурлыкающими звуками, поразятся тому, насколько схожа башня с центральным камином с той, которую видели они в своих снах?

Голубое небо плавало вокруг Силя, затемняясь, углубляясь, кружась синими и сиреневыми волнами... Она задрема-

ла.

Когда Силя открыла глаза, двор заволокли сумерки. Через открытые окна было слышно, как хозяин хибары стучит на кухне посудой. На коленях у девушки остыл планшет, альбома не было. Альбома не было и под креслом, он исчез.

На планшете лежала крупная ракушка, открыть её не составило труда. При открытии жемчужина внутри вспыхнула голубоватым огоньком, отражающимся в перламутровых волнистых стенках. Когда пламя погасло, Силя закрыла ракушку и внимательно её пощупала. Рифлёные внешние перепонки окажутся алмазными. Но Сильвестрина этого пока не знает. Она лишь знает, что это была славная поездка, что, вырвавшись за пределы обычного маршрута, её душа наполнилась чем-то новым и прекрасным.

Конец

Египет 2021